

Лидия Спиридонова

«ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЮ, ЧТО ДЕЛО РАЗВАЛИЛОСЬ»

Как не был написан очерк Горького о Сталине

130-ЛЕТИЮ со дня рождения М. Горького в ИМЛИ РАН выходит сборник «М. Горький. Неизданный перепи-ска с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко» (серия «Материалы и исследования, вып. 5»). Мы публикуем из него несколько документов, раскрывающих одну из самых таинственных страниц в истории советской литературы. Речь идет об очерке Горького «Иосиф Сталин», который должен был начать пропаганду «культ личности» вождя в США, но так и остался незаконченным.

Как известно, после возвращения на родину Горький оказался под неусыпным вниманием Сталина. Это объяснялось не только его желанием поставить авторитет писателя на службу тоталитарной власти. Был у вождя и свой, сугубо личный расчет. Создавая его «культ», ближайшее окружение Сталина отводило Горькому роль придворного биографа, который мог бы написать очерк, подобный «В.И. Ленину». Поэтому во время его визита в СССР в 1931 г. ему стали наметать о желательности создания такого произведения. Из писем писателя следует, что, уклоняясь от этой задачи, он вначале сослался на отсутствие необходимых материалов, т.е. к этому времени уже вернулся в Сорренто. Однако 24 ноября 1931 г. Горький телеграфировал П.П. Крючкову: «Привезите биографию Кобыли материалы для нее».

Крючков ответил 5 декабря 1931 г.: «Т. Товстуха послал Вам через Д.И. «Курского» материалы по биографии С. Сталина», когда получите, сообщите мне». В конце того же года А.Б. Халатов писал Горькому: «Материалы для биографии И.Иосифа» В.Исарионовича» мы Вам послали, напишите мне — не нужны ли Вам какие-либо еще материалы и когда Вы думаете нам ее дать». Горький ответил на это письмо почти сразу, но, перечислив около десятка своих срочных дел, даже не упомянул о биографии или очерке о вожде. Он не ответил Халатову и на прямо поставленный вопрос о сроках окончания работы.

Можно предположить, что рукописи от Горького ожидали в Госиздате к 15-й годовщине Октябрьской революции. Это был бы важный пропагандистский акт, способный заглушить антисоветскую пропаганду, вспыхнувшую в мире: буржуазные и эмигрантские газеты заявляли о провале первой пятилетки и крахе сталинской политики. Однако Горький не торопился браться за дело, он тянул время и уклонялся от прямых ответов.

В начале 1932 г. Горький получил предложение от англо-американских издателей Роя Лонга и Р. Смита написать очерк о Сталине для книги «Россия сегодня» (другое название — «Правда о России»). Р. Смит сообщил ему, что такая «чрезвычайно важная книга выйдет самым широким тиражом», ибо в ней предполагается участие Сталина. О существовании нью-йоркского издательства «Ray Long and Richard R.Smiths» Горький узнал от М.И. Будберг, которой Рей Лонг предложил сделать переводы для заграничного им серии советских книг, наиболее убедительно и ярко рисующих достижения социализма за 15 лет. В начале декабря 1931 г. она попросила Крючкова выслать ей в Лондон книгу М. Ильина «Рассказ о пятилетнем плане», а Горького — подумать, какие книги, кроме этой, можно было бы предложить издательству.

Писатель поддержал идею Роя Лонга, т.е. она совпадала с предложением Сталина о необходимости усилить идеологическое влияние на интеллигенцию США. В середине октября 1931 г. перед отъездом в Сорренто Горький беседовал об этом со Сталиным в Кремле. В обстановке активизации монархических организаций, препятствующих признанию СССР Америкой, Горький не раз напрямую обращался к американской общественности в статьях «Ответ интеллигенту», «Логика истории», «Террор капитализма против негритянских рабочих в Америке». «С кем вы, мастера культуры?». Противопоставляя пропаганде социальной ненависти новую культуру пролетариата, он писал о достижениях социализма, который открывает широчайшие возможности для творческого труда. Иными словами, идея американского издательства отвечала творческим планам самого писателя.

4 декабря 1931 г. Горький сообщил Крючкову, что читает издание серии книг, наиболее ярко рисующих достижения нового строя, делом чрезвычайно важным и попросил помо-

щи. «Мне кажется, — писал он, — что Вы могли бы потратить выбор книг для англо-американцев и выбрать листов 10–12 очерков — наиболее удачных — о социалистическом соревновании. Возможно, что некоторые книги нужно будет заново проредактировать или даже «дописать», некоторые же — сократить. Об этом поговорите лично с И.Иосифом» В.Исарионовичем». Предупредив Крючкова, что «шуметь об этом деле — не следует», Горький 1 декабря 1931 г. написал Сталину, предлагая принять предложение американцев.

В течение декабря 1931 г. шли переговоры с Москвой относительно списка книг. 19 декабря Крючков пообещал: «Для англо-американцев числу к 22 декабря мне составят список книг. Список я передам И.В. на утверждение». Но дело затягивалось. В этот момент и возникло второе предложение от издательства Роя Лонга. Помимо издания книг (или вместо них?) предполагалось издать сборник «Россия сегодня», где предисловие — очерк о Сталине — написал бы Горький, а затем Сталин рассказал бы о себе и своей работе в партии. Книгу должен был завершить обстоятельный разговор о пятилетнем плане и путях развития России от первой мировой войны до последних дней. Такой взгляд на Россию помог бы убедить всех сомневающихся в преимуществах сталинской политики и правде социализма.

4 марта 1932 г. Рей Лонг отправил Горькому контракт и чек на 2500 долларов. В тот же день, не дожидаясь ответа, он поместил в «New York Times» следующее рекламное сообщение о книге: «Сталин пишет книгу о России. Впервые она будет опубликована здесь с предисловием Горького». Перевод был поручен М.И. Будберг. В начале марта она сообщила Горькому: «Видела Роя Лонга, и он подписал со своей стороны договор и уже выслал Вам 2500 долларов. Он просил из них оставить мне задаток в 500 долларов на перевод, он пополнит эту сумму при посылке второй части». Это письмо свидетельствует, что М.И. Будберг была непосредственно заинтересована в предприятии. Не исключено, что именно она подсказала Рюю Лонгу и первый, и второй замыслы, тесно связанные друг с другом. Возможно также, что идея Лонга (через М.И. Будберг) была реализацией первой советской попытки сделать Горького биографом Сталина. Во всяком случае, по праву «секретаря и друга» она настойчиво советовала Горькому не отказываться от работы над очерком.

Между тем Горький долго колебался и уже совсем было собрался отправить чек на 2500 долларов обратно, когда получил письмо от М.И. Будберг. Она уговаривала: «...нет ничего легче, чем отправить обратно чек Лонга и аннулировать договор», однако сообщение о книге уже опубликовано, а главное, отказ «будет иметь влияние на решение конгресса по вопросу о признании России Америкой». Переломным аргументом Горький не устоял. Он сообщил Крючкову, что принимает за работу и постарается сделать ее до своего отъезда в СССР, т.е. к 21 апреля 1932 г. Одновременно он отправил копию договора и письмо Роя Лонга Сталину, о чем написал ему в письме от 17 февраля. Судя по письмам Крючкова, переговоры продолжались в марте. 3 марта 1932 г. он писал Горькому: «Говорил сегодня по телефону с И.В., он обещает дать ответ дня через два, но указывает, что срок «апрель или начало мая» недостаточен. Лично он согласен, но ждет подтверждения товарищей: Каганович и Постышев болыны». В следующем письме он извещал, что план книги составляется и в ближайшие дни будет утвержден.

Однако 14 марта Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение отклонить предложение Лонга из-за его попытки «исканить характер договора...». 24 марта, получив от Сталина телеграмму, Горький писал: «Очень сожалею, что дело развалилось». На такое решение, видимо, повлияло и письмо Горького Сталину, в котором он деликатно уклонился от роли его биографа, предлагая написать для книги Лонга очерк «Положение среднего русского человека до революции», и преждевременный шум вокруг издания, которым был недоволен вождь. Книга в свет не вышла, а очерк Горького не появился ни к 15-й годовщине Октября, ни позже. Какова бы ни была судьба книги,

она высветила бесспорную истину: Сталину не удалось использовать талант Горького для восхваления своего имени. Горький разорвал контракт с Р. Лонгом и вернул чек. Одновременно он известил телеграммой Крючкова, что высылает обратно материалы о Сталине.

Однако слухи о том, что в сталинском архиве за семью печатями хранится очерк или книга Горького о Сталине, возникшие в 1930-е годы, продолжали существовать довольно долго. В советское время их использовали для доказательства духовной близости и крепкой дружбы писателя и вождя, после смерти Сталина намекали, что он в последние годы своей жизни, разочаровавшись в политике советской власти, запечатлел истинный лик «вождя народов». Но ни та, ни другая версия ни разу не была подтверждена публикацией документальных материалов.

Сегодня мы имеем наконец возможность опубликовать хранившийся в Архиве президента РФ и переданный в Архив А.М. Горького черновой набросок очерка под условным заглавием «Иосиф Сталин», сделанный для книги «Россия сегодня». Эта страница, по-видимому, так и оставшаяся единственной, могла быть написана в феврале–марте 1932 г., когда Горький скрепя сердце пытался начать жизнеописание вождя. Из-под его пера вышли лишь скудные строки об истории Грузии и о «каторжной жизни крестьян и ремесленников» на родине Сталина.

М. Горький — И.В. Сталину
17 февраля 1932, Сорренто
Дорогой Иосиф Виссарионович — Крючков передаст Вам три документа:

1. Сопровождения американца Роя Лонга о книге, которая должна быть написана как бы в форме предисловия к целому ряду книг о Союзе Советов, которые он хотел бы издать.
2. Письмо Лонга ко мне.

3. Проект договора, составленный им.
Рей — человек вполне «приличный», насколько вообще может быть приличен американец-буржуа, который хорошо чувствует, что его страна — в опасности и что опасность эту могло бы устранить решительное изменение политики группы Гувера, т.е. прежде всего — признание Вашингтоном Союза Советов, затем — все остальное, логически вытекающее из признания. По всему, что говорилось им, мне кажется, что он действует не совсем с «своей страхи», а как будто от лица группы. Он был компаньоном крупной издательской фирмы «Ричард Смит и Рей Лонг», но теперь вышел и организует свое дело на «русском материале». Из Нью-Йорка в Сорренто он приехал специально для переговоров об этом «предприятии», я думаю, что для небольшого и личного дела это слишком большой «накладной расход». Материальные условия, предлагаемые им, тоже не в нравах обычных, даже и крупных издателей Америки. Характер вопросов, которые он предлагает, осветить, тоже воспринимаются мною как инициатива группы, настроенной в пользу признания Союза. Лично мне это дело кажется серьезным и заслуживающим того, чтобы оно было сделано хорошо. Затем: по моему мнению, дело это отвечает Вашему предложению «обратить внимание на интеллигенцию США».

Итак: если Вы принципиально не против предложения Лонга, — я просил бы Вас немедленно распорядиться о практическом его осуществлении и телеграфировать через Крючкова Ваше решение. <...>
Крепко жму руку, дорогой товарищ.

А. Пешков
P.S. Личное Ваше участие в создании книги Р. Лонг считает обязательным и необходимым как основной и самый серьезный удар по американским мозгам — я нахожу, что он в этом совершенно прав: Ваше участие, действительно, необходимо. Окончательная редакция всех статей — тоже Ваша.

Тему: «Положение среднего русского человека до революции» я могу взять на себя, но необходимо, чтоб мне прислали тезисы.

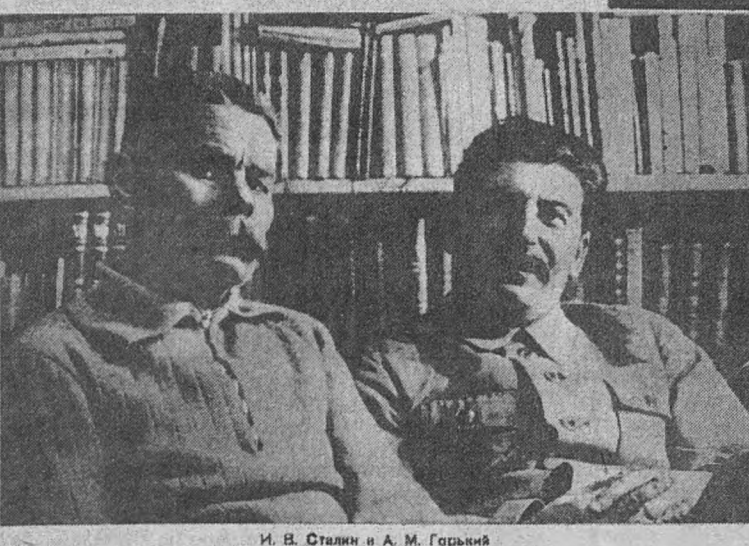
Книга не должна быть более 10 листов. Тираж, видимо, предполагается массовый.

А.П.
М. Горький — И.В. Сталину
Около 20 февраля 1932, Сорренто
Спасибо за письмо, дорогой Иосиф Вис-

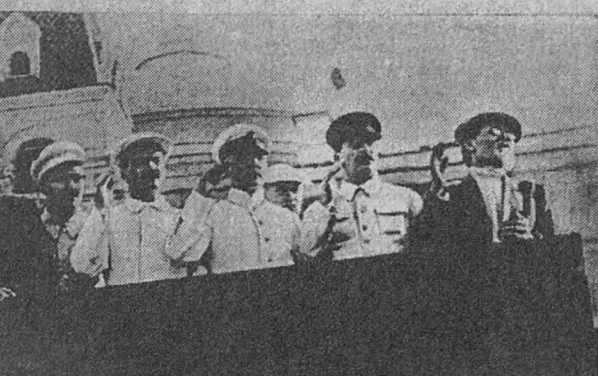
Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».

М. Горький

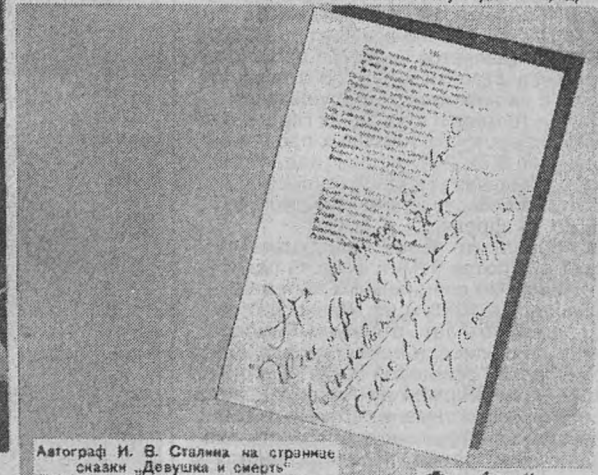
Дорогой Алексей Максимович! От души приветствую Вас и крепко жму руку. Желаю Вам долгих лет жизни и работы на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса».

И. Сталин
(К сокращенной литературной деятельности А. М. Горького, 1932 г.)

И. В. Сталин и А. М. Горький

И. В. Сталин, А. М. Горький, В. М. Молотов, М. И. Ильин, Н. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Л. М. Нагавкин на трибуне митинга (24 июля 1934 г. Финансовый парад)

Автограф И. В. Сталина на странице сказки «Девушка и смерть»

Пропандистская фотооткрытка начала 30-х годов.

сарионович. Зная, как много Вы работаете, я, разумеется, не претендую на частую переписку с Вами, но — живу я письмами из Москвы, это главное мое «духовное» питание, и оно всего лучше действует на здоровье. Письма и газеты из Союза отлично рассеивают тот подлый бытовой и политический туман, в котором живешь здесь.

Отвечаю на Ваше письмо. Вы пишете: «Не хотите художников-литераторов» — в работе по «Истории гражданской войны» — «ну и не надо». Но я вовсе не отвергаю, не исключаю художников из этой работы, а только отвожу им скромную роль шлифовальщиков стиля. С этой ролью они согласны и понимают ее хорошо».

Очень жаль, что обзор книг для издания в Америке задержался. Барков из Парижа, полпредства, телеграфировал мне, что Рей приедет 10-го. Французы тоже хотят издать серию наших книг по разным вопросам. Общее впечатление всех людей, которые, посетив Англию, Францию, Америку, побывали у меня за это время: среди технической, научной и служащей интеллигенции этих стран интерес к Союзу Советов быстро растет и становится все серьезней. Я, со своей стороны, то же могу сказать об интеллигенции итальянской. Вы в последней беседе со мной, в Кремле, очень правильно указали на необходимость поддерживать или полагать настроение американцев. Они все-таки черты четверногие, им, чертам, как раз теперь выгодно бы признать Союз Советов, а затем дать бы нам хоть какой-нибудь миллиард!

Ну, кажется, достаточно написал я. Будьте здоровы, дорогой И.В., и берегите себя. Сердечно приветствую всех товарищей. Накапливаю здоровье, очень хочу приехать непременно к 1 Мая.

Крепко жму руку.

А. Пешков
Прилагаю копию записки, посланной мною т. Бунынову. Если Вы найдете смысл этой записки правильным, — было бы хорошо распространить ее — от имени ЦК? — по всем наркоматам, в ведении которых вузы и втузы.

До свидания.

М. Горький — И. В. Сталину

24 марта 1932 Сорренто

Дорогой Иосиф Виссарионович телеграмму Вашу получил и принял соответствующие меры. Сожалею, что бестактность Р. Лонга разрушила серьезное дело, но думаю, что — через некоторое время дело это следует возобновить, разумеется, не по нашей инициативе и в форме несколько иной.

Пользуясь случаем, разрешаю себе поделиться с Вами впечатлением, которое вызывает у меня полемика группы Панферова—Серафимовича с ведущей группой РАППа... Идеологические мотивы первой группы для меня не совсем ясны, но, насколько я понимаю, она стремится к примитивизму и опрошению в области литературы, однако не указывает с достаточной ясностью: почему и зачем это нужно? Если я не ошибаюсь: тогда — это стремление вредное, и в нем чувствуется присутствие элемента угодничества начинающим писателям и желания группы Панферова занять командующие позиции.

Начинающих писателей нужно убеждать: учитесь! И вовсе не следует утомлять их слишком легкому отношению к литературной работе. В массу рапповцев эта полемика вносит смущение, раздоры и вызывает в ней бесплодную трату времени на исследование вопроса не — «кто прав», а за кем идти? Именно так формулируют свое настроение молодые писатели в их письмах ко мне. Как видите — формулировка, за которую не похвалишь.

Бесконечные групповые споры и склоки в среде РАППа, на мой взгляд, крайне вредны, тем более что мне кажется: в основе их лежат не идеологические, а, главным образом, личные мотивы. Вот что я думаю. Затем, кажется мне, что замена руководящей группы РАППа — в которой объединены наиболее грамотные и культурные из литераторов-партийцев, — группой Серафимовича—Ставского—Панферова пользы дальнейшего росту РАППа — не принесет.

Здесь, в Неаполе и Венеции, строятся траллеры для Мурманска и Владивостока. Выстроят траллер, и он стоит месяца полто-

ра до того, как приедет из Союза команда.

Прилагаю перевод статьи из газеты «Рома», м.б., она проскользнула мимо внимания товарищей, для которых такие заметки небезынтересны.

Жду с нетерпением, когда можно будет ехать в Москву. Здоров.

Крепко жму Вашу руку.
А. Пешков. <...>
24.11.32.

<ИОСИФ СТАЛИН>

Иосиф Сталин-Джугашвили родился (в Закавказье) в Грузии, стране, которую древнегреческие писатели называли: Иверия и Георгия, — последнее имя заставляет некоторых американцев думать, что Сталин — уроженец штата Джорджия. Грузия расположена на хребтом Кавказских гор, по бассейнам рек Чороха, Риона и Куры. Первые две реки впадают в Черное море, Кура — в Каспийское. (Рион) Греки именovali Рион — Фазисом, и с этой рекой связана древняя легенда о походе аргонавтов за золотым руном. Легенда эта, вероятно, имеет историческое основание: алжарские горы, один из отрогов Кавказского хребта, содержат золото, (которое) греки промывали, пропуская (в) по коже барана, крупинки золота задерживались шерстью, отсюда — золотое руно. Грузины поселились в Закавказье (за) в VII веке до нашей (эпохи) эры, но история их не говорит, откуда они пришли. Исторические памятники уничтожены за время бесчисленных нападений и грабежей Грузии парфянами, персами, войсками Александра Македонского, римского полководца, впоследствии императора Помпея, затем — арабов, снова персов и турок. В общем история этой небольшой, но прекрасной и богатой страны есть история грабежа ее и различных насильств над нею. (Это привело) В конце XVIII в. царь Грузии и дворянство решили просить защиты у России, и в 1801 г. Грузия была присоединена к владениям русского царя. Этот акт несплохо устраивал грузинское дворянство, но само собою разумеется, ничем не мог облегчить каторжную жизнь крестьян и ремесленников.

АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ДОМА НЕ БЫЛО...

В музее-квартире Горького холодно. Но вход бесплатный

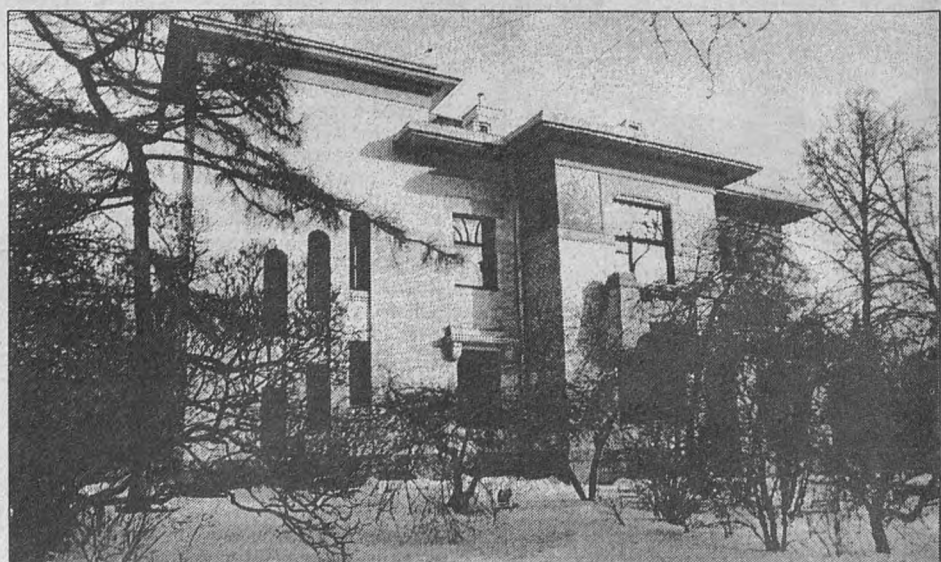
Антонина Сандерс

УЛИЦА Качалова снова стала Малой Никитской. Обсканику Степана Павловича Рябушинского вернулся прежний адрес-название «дом на Малой Никитской, 6». Еще этот дом называют Музеем-квартирой А.М. Горького. На здании, выстроенном русским архитектором Шехтелем, две мемориальные доски — одна оповещает, что в этом доме состоялась встреча Горького с Роменом Ролланом, другая гласит «А.М. Горький жил здесь в 1931–1936 гг.».

Парадная дверь закрыта. Табличка со стрелкой и надписью «Вход в музей» заставляет отгибать это хорошо сохранившийся особняк в стиле «русский модерн». Через фигурную решетку ограды видна мемориальная доска на соседнем обшупавшемся здании — здесь жил писатель А.Н. Толстой. С парадного входа туда тоже «не пускают», и указателей никаких нет — надпись «Вход в музей А.Н. Толстого» наклеена прямо на стене масляной краской. Путь почитателя творчества Толстого предостид нехелкий — через помойку, в глубь двора, к запыленным окнам и битым луженым мемориальным дверям. Тем, кому нужен мемориал Горького, повезло больше — дом Рябушинского есть во всех архитектурных справочниках, так что писать на его стенах вроде как не пристало.

«Особняк так безобразен и нелеп, что даже чистые сугробы и глыбы снега. Которые-то он окружен и заспан. Не смягчают его отвратительности...» — так отзывался об особняке Корней Чуковский. Нелепым этот дом называл и Горький.

Между прочим, сам Алексей Максимович заходил домой только с парадного — на ве-

Музей-квартира Горького на Малой Никитской.

шалке до сих пор висит его черное пальто и стоят его сапоги на «молинии». Там же и его обгорелые трости — нередко он разжигал в саду костры, а тростью головешки помещивал. Остальных, чтобы не мешали работе писателя, пускали только с «черного».

С той поры многое изменилось. Сугробы истоптаны посетителями, а само здание (оно, кстати, сохранилось вполне прилично) на фоне возвышающихся рядом многоэтажных уродцев действительно выглядит памятником архитектуры. Посетителей, желающих осмотреть горьковское жилище, правда, до сих пор впускают с «черного» хода. Вход бесплатный. Билетов нет. Для отчетности вас просят расписаться в большой

амбарной книге. «Чтобы было видно, что к нам в музей ходят еще...» объясняла двум долговымым школьницам вахтерша, — а то музей возьмут и закроют». Бесплатных музеев в Москве всего семь.

Посетители, радуясь, что с них ничего не взяли, охотно оставляют автографы. Для сравнения: в Пушкинском музее вам, если вы не относитесь к категории «льготных» посетителей, то есть не являетесь пенсионером, школьником или студентом, пришлось заплатить около пятнадцати рублей. А если вы не гражданин России, то около шестидесяти рублей, как, например, в Третьяковской галерее.

При входе вас встречает прозрачный куб,

наполненный бумажной мелочью, — «для пожертвований» или, если угодно, «for donations», как кривовато приписано внизу.

Но видно, что даже и этих скудных пожертвований музею не хватает. Стены, выкрашенные масляной краской, потрескались. Узкая лестница ведет в полуподвал. Там находится облезлый импровизированный гардероб и туалет, в который я побоялась войти. Бедность... «У нас сегодня в музее холодно...» — после пятиминутного ожидания гардеробщицы слышится голос откуда-то сверху. — Так что вы можете прямо в верхней одежде...»

Посетители покорно надевают старые шлепанцы с завязками — ведь пол выложен уникальным мореным дубом. «Пол, деревянные панели, двери, люстры — это все работа Шехтеля», — поясняет служительница музея. Пол, для того чтобы содержать его в порядке, требуется натирать воском до блеска, полировать. На это нет средств. Предупреждение тщательно отряхивать обувь при входе в здание для многих пропадает все.

На подоконниках стоят тарелки с водой. Это делается для того, чтобы слишком сухой воздух не попортил экспозицию. От сквозняков предохраняют свернутые газеты на подоконниках. Кожаная потрескавшаяся казенная мебель, привезенная специально к приезду Горького, кое-где покрыта целлофаном — попытка сохранить кресла и диваны, на которых сживали когда-то весьма влиятельные люди.

Порядок на большом, сделанном по заказу Горького столе остался таким, как и при его жизни. Китайская мебель, между прочим, подарил ему А.Н. Толстой (особняк которого тихо гниет по соседству). Там же находится и уникальная коллекция резных костяных фигурок. Стеклопанная горка, в которой они заперты, — без следов сигнализа-

Столовая. Обеденный стол, за которым, кроме Горького, сидело много известных людей. Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

ции. Шкафы в библиотеке (насчитывается около 12 тысяч томов) опечатаны сургучной печатью. От всего веет беззащитностью — никакой охраны не видно. Но, как сообщают, особняк поставлен на сигнализацию в милицию.

Посетители — в основном школьники (Горький все еще есть в школьной программе). Они оставляют везде свои следы. В одном месте на краске нацарапано название рок-группы, в другом — менее безобидное слово. А в нескольких метрах — шикарный обеденный стол, возможно, именно за ним Горький принимал Бернарда Шоу.

Музей открылся в 1965 г. Мемориал Горького — его кабинет, спальня, библиотека и столовая располблены на первом этаже. На втором — фонды музея и постоянная экспозиция, посвященная Горькому. В этом доме всеми усилиями пытаются сохранить все

так, как было при жизни Горького. Особняку Рябушинского, можно сказать, повезло дважды: его не отдали во владение какому-нибудь из посольств (их в этом районе великое множество) и его не закрыли после 1991 года. Посещение его, правда, стало обязательным, но зато осталось бесплатным. Впрочем, скорее повезло нам (музей доступен всем), а не особняку. Через несколько лет ему наверняка понадобится реставрация, а средств нет уже сейчас. А там ведь еще и научная работа проводится (музей относится к Институту мировой литературы им. А.М. Горького РАН, что на Поварской улице)...

«Зашел в Хамовники к Л.Н. Толстому. Софья Андреевна сказала мне, что он ушел в Троице-Сергиевскую Лавру...» А я зашла на Малую Никитскую, к А.М. Горькому. Его, правда, тоже не было дома...